

ИСТОРИЯ

А.О. Муртазаев

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЙТАГА В XIII – НАЧАЛЕ XIV В.

В XIII–XIV вв. Дагестан, окончательно оформившись как цельная историко-географическая единица, представлявшая собой по своей политической структуре систему средневековых политических образований, был втянут в политические процессы, происходившие в кавказском регионе. Занимая выгодное геополитическое положение, Дагестану приходилось постоянно отстаивать свою независимость в борьбе против сменявших друг друга завоевателей. Нормальный ход политического и экономического развития региона регулярно нарушался вмешательством внешнеполитических сил. Так было и в начале XIII в., когда народы Дагестана одни из первых столкнулись с монгольскими завоевателями и испытали все тяготы их господства. Вместе с тем Дагестану постоянно приходилось решать и проблемы внутривнутриполитического характера: конфликты между обществами, феодальные междоусобицы и т.п.

Кайтагское уцмийство, являясь одним из сильных и влиятельных политических образований Дагестана, находился в гуще всех этих событий, зачастую имевших для него судьбоносное значение.

Кайтаг пережил и первые походы монголов через Дагестан, внутривнутриполитический кризис, который охватил это горное княжество в конце XIII – начале XIV в. и последовавшее за этим вмешательство внешних сил во внутренние дела, которое могло привести к потере его государственности. Важной вехой в истории Кайтагского уцмийства стала феодальная война, разразившаяся между крупнейшими владениями Дагестана в начале XIV в., в результате которой ослабли соседние владения, а Кайтаг, вышедший из него, получил возможность укрепить свое положение и занять лидирующее место в системе политических структур Дагестана на протяжении всего XIV в.

Монгольские завоевания на Кавказе, в том числе и в Дагестане, нашли отражение в работах таких авторов как Ибн ал-Асир, Рашид-ад-дин, Киракос Гандзакци, Тихвинский С.Л., Тизенгаузен В.Г., Петрушевский И.П., Лавров Л.И., Магомедов Р.М., Криштопа А.Е., Ичолов Г.Х. и др.

Историки выделяют четыре крупных вторжения монголов в дагестанские земли: вторжение в начале 1222 г. в обход Дербента через Центральный Дагестан 30-тысячного войска полководцев Субэдэ и Джэбэ; поход осенью 1239 – весной 1240 гг. военачальника Букдая из армии Менгу-хана через Агул и Кумух; поход через приморскую равнину Дагестана между 1259 и 1260 гг. огромной ордынской армии под командованием трёх родственников хана Золотой Орды на помощь эльхану Хулагу. Что касается ещё одного похода монгольских войск на Кавказ – армии Чормагуна в 1231–1239 гг., то часть историков считает, что он коснулся и Дагестана при этом, разрушив Дербент, другие же полагают, что Дербент был разрушен ещё Букдаем.

Достоверных данных о вторжении монголов в Кайтаг в письменных источниках нет. Но в историческом фольклоре есть глухие, неясные упоминания о том, что некие кочевники достигли сс. Санчи и Уркараха. Косвенные свидетельства о прорыве монголов на кайтагские земли все же имеются. По данным арабоязычного историка XIII в. Ибн ал-Асира, войска Субэдэ и Джэбе после обхода ими Дербентской стены с запада «... вступили в области, в которых много народностей: аланов, лакзов и несколько тюркских племен; ограбили и убили много лакзов-мусульман и неверующих, и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей тех стран...» (Ибн ал-Асир, 1940. С. 142). Его же современник армянский историк Киракос Гандзакци отмечал, что после обхода Даг-бары монголы двинулись по труднопроходимой гористой местности, забравшись довольно

глубоко в горы: «... татары по местам неприступным перешли Кавказские горы, заваливая пропасти деревьями, камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и военные снаряды...» (*Киракос Гандзакецци*, 1976. С. 156).

Р.М. Магомедов, касаясь предполагаемого маршрута монголов, писал, что их войска, повернув к северу западнее с. Яглых должны были, естественно, оказаться на землях Кара-Кайтага (*Магомедов Р.М.*, 1999. С. 97). В связи с этим он предполагает, что «... слово «лакзы» в то время было собирательным названием всех дагестанцев, так что кайтагцы вполне подходят под упоминание «лакзов-мусульман» (*Магомедов Р.М.*, 1999. С. 97). Таким образом, первое же вторжение монгольских завоевателей в 1222 г. не обошло и кайтагские земли.

К сороковым годам XIII в. монголы силой подчинили многие земли Кавказа. Ряд местных правителей вынуждены были признать власть монголов, тем самым, оставаясь на своих местах в качестве вассалов монгольского хана, при условии уплаты дани. Вторжение Букдая в 1239–1240 гг. по письменным сведениям удастся проследить от Рича, Дербента, Табасарана, Хива, Чирага, Хосрека, Вачи до Кумуха. Известно, что его отряд в 1240 г. вернулся к своему командующему Менгу-хану, пребывающему на Терско-Сунженской равнине. Самый короткий и удобный путь для этого – это маршрут Цудухар–Хаджалмахи–Леваши. И если монголы выбрали этот путь, то они прошли и через другие даргинские земли.

Из Дербента, который был захвачен в 1239 г., монгольские отряды совершали грабительские набеги в различные районы Дагестана. Население, оказывающее сопротивление, истреблялось, многие аулы были ограблены и сожжены.

Несмотря на все жестокости, чинимые монголами в Дагестане, горцы не были покорены ими. Путешественник XIII в. Гильом де Рубрук, посол Людовика IX, двигаясь поздней осенью 1254 г. от Алании к Дербенту, писал, что «... между морем и горами живут некие сарацины, по имени лесги-горцы, которые не покорены татарами» (*Гильом де Рубрук*, 1957. С. 187). Далее Рубрук сообщает, что горцы Дагестана доставляют много хлопот монголам, и им «... надлежало дать нам (конвой)... 20 человек, чтобы проводить нас за Железные Ворота» (*Гильом де Рубрук*, 1957. С. 187). Можно предположить, что в числе этих мусульман (сарацин) «лесги-горцев», живущих севернее Дербента и затруднявших монголам движение по приморской равнине были, и кайтагцы.

Мы не располагаем прямыми свидетельствами источников об отношениях монгольских завоевателей к жителям Дагестана. Однако есть все основания считать, что оно было аналогично их действиям в других завоеванных землях.

Тем не менее монгольские походы 1222 и 1239–1240 гг. и войны Хулагуидов и Золотой Орды не оказали существенного влияния на хозяйство и общее состояние Кайтага. Кайтаг в некоторой степени даже упрочил все положение.

Р.М. Магомедов писал: «В начале XIII в. ряд факторов (монгольские походы) содействовал укреплению Хайдака. Примерно в середине XIII – начале XIV в. земли Зирихгерана, Шандана, Уркараха вошли в состав Хайдака. К началу XIV в. это было уже сильное владение, имеющее значительный вес на территории Дагестана и за его пределами. К числу уцмийских владений, кроме собственно Кайтага, относилась обширная полоса предгорий к северу от него. Это позволяло уцмиям контролировать торговый путь, соединявший Дербент и Закавказье с северо-западными городами и итальянскими городами-колониями на Черном море, а также с центром Золотой Орды на Нижней Волге» (*Магомедов Р.М.*, 1991. С. 59).

Между тем к началу XIV в. в местных исторических хрониках глухо сообщается о конфликтах внутривосточного характера, охвативших кайтагское общество. Это в источниках связывается с борьбой кайтагцев с эмиром (талхьяном) или жителями (даргинский текст) селения Ашра, от которого кайтагцы терпели «насилие и тиранию» (*Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.*, 1993. С. 155; *Исаев А. А.*, 1986. С. 46). Согласно преданиям, талхьян (эмир) жил в захваченном им замке в местности «Аждаггал-гекк» (*Магомедов Р.М.*, 1979. С. 43). В народных преданиях говорится, что это был талхьян

Южного Кайтага. Он совершал набеги на другие кайтагские села, отбирал у жителей пахотные поля, сады, имущество, захватывал в плен их женщин, девушек. Тогда жители кайтагских сел «посоветовавшись между собой, напали на них и разрушили Ашра» (*Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.*, 1993. С. 155–156; *Исаев А. А.*, 1986. С. 46) и убили талхъана. Это произошло в 705 г.х. (1305–1306 г.).

В «Истории Каракайтага» предводителями этого времени названы Усман, сын Рамадана ал-Хабши, Абдаллах ал-Дж. р. ки и Хасан ал-Барши, который был самым старшим из них, самым умным и самым красноречивым. Должность кадия Кайтага занимал Манас, сына Нуха ал-Бутри, осевшего в селении Барши (*Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.*, 1993. С. 155). Исходя из этого сообщения можно предположить, что в Кайтаге усилились центробежные силы и что возросло влияние верхнедаргинских союзов сельских общин во главе с с. Бутри.

В местных источниках также сообщается о внешних силах, которые распространяли ислам и наводили порядок между кайтагскими селами: «... пришли эмиры из числа жителей Таифа... и осели в разрушенном селении, называемом Ма'э около Барши. Они приказали построить соборную мечеть между ними, около могил шахидов, а также установили справедливость среди жителей Хайдака и прочих селений... однако все они погибли при совершении джихада на священной войне с неверующими гор, [называемыми] Урчамул...» (*Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.*, 1993. С. 156; *Исаев А. А.*, 1986. С. 46–47). После этого жители Хайдака «... собрались в местности Балхас (местность на территории нынешнего Кайтагского района, неподалеку от пос. Родниковый), и разделили свои места поровну – с учетом селений. Самс же [разделили] на две половины: одна половина осталась для них общей, а другая половина его [была передана] жителям Барши и Ма'и ради потомства эмиров Таифа, которые пали в священной войне с неверующими Урчамула» (*Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.*, 1993. С. 156; *Исаев А. А.*, 1986. С. 46–47). Далее отмечается неверность урчамульцев и их непристойное поведение, за что они были серьезно наказаны, после чего раскаялись в своём поведении и приняли ислам, говорится о появлении султана-наильника в Маджалисе, который захватил у кайтагцев земли, расположенные в горах и на равнине. Тогда они попросили помощи у Дарго и собрались вместе в местности «Кишэ, то есть в Арджа, договорились действовать совместно: войско от Дарго с Мухаммадали ал-Бутри в качестве предводителя. Они разрушили город Маджалис и взяли в плен талхъана-наильника вместе с его детьми, которые поклялись больше не притеснять кайтагцев» (*Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.*, 1993. С. 157; *Исаев А. А.*, 1986. С. 46).

Таким образом, вышеприведенные сведения дагестанских исторических хроник дают основание говорить о том, что Кайтаг охватил внутривластный кризис: происходят столкновения между общинами, вмешательство внешних сил во внутренние дела, особенно Дарго, отсутствует упоминание о единоличном правителе (сообщения о предводителях времени). По-видимому, в течение определенного времени правители Кайтага либо потеряли власть, либо были сильно ограничены в ней какими-то внутренними или внешними факторами.

Все эти вышеупомянутые события, скорее всего, происходили в конце XIII – первой четверти XIV в., поскольку после выхода Кайтага из «феодальной войны», разразившейся в 1318 г. между крупнейшими княжествами Дагестана, происходит его резкое усиление, и Кайтаг становится ведущей политической структурой Дагестана в XIV в., что, конечно же, не произошло бы в отсутствие единой власти и при систематических внутренних распрях.

Тем не менее, исходя из встречающихся названий обществ и населенных пунктов, предоставляется возможность судить о территории Кайтага в середине XIII–XIV вв. Это Каракайтаг, Урчамул, Маджалис-Катта, Шуркант, Каттаган, Ицари и даргинские общества Гапш, Ганк, Муира. О вхождении последних в состав Кайтага после распада ал-Караха (Ур-Караха), Шандана, Зирихгерана говорит упоминание в «Истории Каракайтага» «местности называемой Площадка (урса) Кишэ» – селения Кища, в котором хранились впо-

следствии кайтагские адаты. Это подтверждается и народными преданиями, согласно которым Уркарах в это время становится столицей уцмиев – правителей Кайтага, каковой он остается вплоть до похода Тимура в Кайтаг, после чего уцмий был изгнан даргинцами отсюда (Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. К., 2004. С. 108–109).

Упомянутые выше события в Кайтаге, надо полагать, благополучно завершились и привели к усилению центральной власти. По крайней мере, к началу XIV в. в источниках упоминается уцмий Султан-Мухаммедхан – первое лицо, носившее титул уцмий, зафиксированный в источниках, Султан-Мухаммедхан, его сыновья Султан-Алибек (по прозвищу «Бек-Киши-хан») и Ильча-Ахмед, а также дети – исторические личности, о которых известны не только их имена, но и какие-то факты их жизни и деятельности.

О деятельности уцмий Султана-Мухаммеда в качестве кайтагского правителя мы никакими сведениями не располагаем. Из текста хроники Махмуда Хиналугского ясно, что он обосновался в Калакорейше и возглавлял довольно сильное государство, игравшее важную роль во внутри- и внешнеполитической жизни Дагестана.

О значительной роли и авторитете Кайтага в некоторой степени говорит и то, что кайтагский правитель был свояком Рашид ад-Дина – ильханского сахиб-дивана, т.е. главного визиря – главы правительственного аппарата, второго после хана человека в хулагуидской державе. Другой его женой была сестра шамхала Кумуха. Все это, конечно же, указывает на довольно высокий престиж уцмиев Кайтага среди феодальных владетелей Восточного Кавказа. Среди исследователей встречаются разные мнения относительно времени жизни этих правителей Кайтага и появления термина «уцмий».

Так, А.Р. Шихсаидов первое достоверное упоминание имени уцмий Султан-Мухаммедхан относит к концу XIV в. (*Махмуд из Хиналуга.*, 1997. С. 99). Р.М. Магомедов время деятельности уцмий Султан-Мухаммедхана датирует концом XIII в. Доказывая правильность своего мнения по данному вопросу, он писал: «... на минарете ханаки упомянут ширваншах, имя которого сохранилось плохо: разные исследователи читают его то Кейкавус, то Гуштасп, то Гершасп. Надпись сделана в 1294 г. ... Но если верно чтение имени «Гершасп», то можно отнести его и его зятя – уцмий Султан-Мухаммеда к концу XIII в.» (*Магомедов Р.М.*, 1999. С. 108.). Аналогичного мнения придерживается и А.Е. Криштопа, относя время правления Султана-Мухаммеда к концу XIII – началу XIV в. (*Криштопа А.Е.*, 2007. С. 34-39). Мы также по ряду причин склоняемся к последнему мнению. Для большей убедительности в определении хронологического отрезка, который относится к уцмию Султан-Мухаммедхану и его сыновьям Султан-Алибеку (Бек-Киши-хан) и Ильча Ахмеду, мы приведем предположение А.Е. Криштопы, который опирается на детальный анализ дагестанских исторических сочинений и на сложные расчеты.

Анализируя текст «Кайтагской рукописи II» (Кайтагские рукописи I. 1868. Т. II. С. 1072–1073; Кайтагские рукописи II. 1868. Т. II. С. 1073–1077; *Махмуд из Хиналуга*, 1997. С. 41–183), («Кайтагские рукописи» представляют собой дагестанские материалы, помещенные в сборнике документов – Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК) Т. II. под единым названием «Кайтагские рукописи», выявленные и переведенные с восточных языков А.П. Берже в 1868 г. Из переведенных с арабского языка четырех документов в статье используется два. Они условно нами обозначены как «Кайтагские рукописи I» («Родословная уцмий Рустем-хана») и «Кайтагские рукописи II» или «Хроника» Махмуда из Хиналуга. «Кайтагская рукопись II», как указано в самом документе, списана с древнего родословного древа Махмудом из Хиналуга в 861 г. / 1456 г. обстоятельный анализ этого источника осуществлен А.Р. Шихсаидовым, который условно назвал «Хронику» Махмуда из Хиналуга «События в Дагестане и Ширване в XIV – XV вв.». В настоящее время известны два списка «Хроники» Махмуда из Хиналуга. Один – на арабском языке, другой – на азербайджанском. Список А, т.е. «Кайтагские рукописи II», был издан во II томе АКАК. Второй же список (список Б), написанный на азербайджанском языке, за исключением выдержки из сочинения Мухаммадрафи «Тарих Дагестан», входит в состав сборной рукописи, которая хранится в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Рукопись озаглавлена «История происхождения ро-

да уцмиев и кайтагских беков (родословная книга кайтагских эмиров)», в которой текст истории Махмуда из Хиналуга весь пропитан идеями «величия и славы» кайтагских уцмиев), А.Е. Криштопа пишет, что Ильча-Ахмед являлся сыном кайтагского князя Султан-Мухаммедхана и сводным братом Султан-Алибека (Бек-Киши-хан), занявшего престол Кайтага. Имя Амир-Чупана при этом не названо. Но в генеалогии кайтагского уцмиев Рустем-хана, открывающей «Кайтахскую рукопись I» (Кайтахские рукописи I. 1868. Т. II. С. 1072–1073), Амир-Чупан показан сыном Султан-Алибека и внуком Султан-Мухаммедхана. Все это говорит о том, что оба источника независимо друг от друга отражают события, связанные с членами кайтагского дома – близкими родственниками. Синхронность событий, лежавших в основе обоих сочинений, подтверждает еще одна деталь «Кайтахской рукописи II (Хроника Махмуда Хиналугского)»: в них отмечено, что ширваншах смог назначить коменданта в крепость Ихир в бассейне Самура, лишь добившись предварительного согласия Кайтага (Кайтахские рукописи II. 1868. Т. II. С. 1075–1756). На это косвенно указывает сообщение «Кайтахской рукописи I» об успешных завоеваниях Амир-Чупана в долине Самура (Кайтахские рукописи I. 1868. Т. II. С. 1073).

Следует отметить, что после разгрома Тимуром Кайтага в конце XIV в. ширваншаху вряд ли нужно было согласие кайтагского уцмиев, тем более что ширваншах Ибрахим I Дербенди был самым могущественным вассалом Тимура. Вполне понятно, что после походов Тимура Кайтаг не был в состоянии вести войны в южном Дагестане. Значит, описанные выше события относятся не к концу XIV в., а более раннему периоду, который нам необходимо установить более определенно.

Опираясь на содержащиеся в указанных выше сочинениях данные и учитывая порядок следования лиц, – как отмечает А.Е.Криштопа, – можно установить и относительную хронологию связанных с ними событий. Очевидно, что женитьба Султан-Мухаммеда на сестре шамхала Кумуха и на сестре ширваншаха Кершасиба (матерях сводных братьев), а затем его смерть предшествовали междоусобной борьбе Султан-Алибека и Ильча-Ахмеда и бегству последнего в Ширван; несколько позднее происходили завоевания в бассейне Самура и далее к югу; к концу цепочки этих событий следует отнести назначение Мухаммед-бека (двоюродного брата Амир-Чупана) комендантом и владельцем Ихира (Криштопа А.Е., 2007. С. 35).

В конце «Кайтахской рукописи II» (Хроника Махмуда Хиналугского) говорится, что текст её списан с древнего документа, предоставленного составителю – Махмуду Хиналугскому Касим-беком в 1456 г. потомком владельцев «крепости Ахир-Докуз-пара». Согласно этому сочинению предок Касим-бека Ильча-Ахмед беседовал с Тимуром накануне Анкарского похода 1402 г. (Кайтахские рукописи II. 1868. Т. II. С. 1075). Судя по излагаемой там же родословной Рустем-хана, имя Ильча-Ахмед носили три прямых предка Касим-бека, отстоявшие от него на 11, 9, 7 поколений (Кайтахские рукописи II. 1868. Т. II. С. 1075). Невозможность смены 11, 9, 7 поколений за 54 года очевидна. К «Хронике Махмуда Хиналугского» приложен текст фирмана персидского шаха Султан-Мухаммеда Сефевидского, ставший по сути дела, её неотъемлемой частью. Он датирован 1466 г. и выписан на имя отца Касим-бека – Мухаммед-бека, сына Афрасим-бека. Если даже отвлечься от того, что Касим-бек фигурирует в хронике на 10 лет раньше собственного отца, то все же остается серьезное противоречие: до 1501 г. Сефевиды не были шахами и не издавали фирманов, тем более для Ширвана. К тому же представитель сефевидской династии носил иное имя (шейх Хайдар) (Криштопа А.Е., 2007. С. 36).

В то же время сами элементы сходства этих двух независимых сочинений, отмеченные выше, заставляют предположить наличие реальной исторической основы у использованных там преданий.

Верную оценку «Кайтахской рукописи II» (Хроника Махмуда Хиналугского) дал А.Н. Генко: «Этот документ полуисторический. Тут мы имеем дело с некоторой фикцией, но фикцией исторической, которая опирается на детальное знание местных условий, местной среды, и в этом смысле представляет собою первоклассный исторический источник» (Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р., 1964. С. 66). Таким образом, отторгнув предла-

гаемые в сочинении даты, необходимо искать другие методы абсолютной датировки отраженных там событий.

Исходя из вышесказанного, А.Е. Криштопа, принимая вслед за Б.Г. Малачихановым продолжительность одного поколения (для феодальных родов) примерно 25 лет и беря в качестве отсчета начало XVII в., путем сложных расчетов приходит к выводу, что наиболее вероятное время начала поколения Султан-Алибека, сына уцмья Султан-Мухаммедхана, – второе десятилетие XIV в. (*Криштопа А.Е.*, 2007. С. 38). Очевидно, – пишет А.Е. Криштопа, – что **брат Султан-Алибека Ильча-Ахмед относился к тому же поколению, их отец и оба дяди (шамхал Кумуха и «султан Кершасп, ширванский владетель») – к последней четверти XIII – началу XIV в.** (выделено нами – Авт.), а сыновья Султан-Алибека и Ильчан-Ахмеда (Амир-Чупан, Мухаммед-бек, Теймур-бек, Гамза, Абдулкадыр) – к последующему поколению (вторая четверть XIV – середина XIV вв.) (*Криштопа А.Е.*, 2007. С. 38).

Далее он пишет, что эти датировки получены как вероятные. Однако надежность их сильно возрастает, если сопоставить их с нумизматическими данными (*Криштопа А.Е.*, 2007. С. 38). Ширваншах Гаршасп II б. Ахсатан упоминается в качестве правителя Ширвана в 963/1293-1294 гг. (*Минорский В.Ф.*, 1963. С. 179). Это позволяет сопоставить его с «султаном Кершаспом», относимым к тому же времени (*Криштопа А.Е.*, 1976. С. 153). При этом следует отметить, что ширваншах носит характерно-кесранидское имя (Кершасп = Гершасп); мало того, по крайней мере после 1345 г. и до падения династии Кесранидов никто из них не носил этого имени.

Некоторые сомнения, однако, вызывает то, что племянник Гершаспа II Ильча-Ахмед, прибывший к нему уже взрослым человеком, согласно упоминавшемуся источнику «Кайтахской рукописи II» (Хроники Махмуда Хилалугского), беседовал с Тимуром незадолго до Анкарской битвы 1402 г., причем последний называет его «молодым человеком». По нашему мнению, такое противоречие может быть объяснимо тем, что, согласно родословной уцмиев, внук Ильча-Ахмеда I носил то же имя. Внук человека, жившего в первой четверти XIV в., бесспорно, мог быть современником Тимура в конце XIV в., а совпадение имен могло облегчить контаминацию преданий о них обоих, возможно, ещё на стадии их устного бытования, то есть до фиксации их в письменном сочинении. Таким образом, современником Гершаспа II был Ильча-Ахмед I, сын Султан-Мухаммедхана, уцмья Кайтага, а современником Тимура и ширваншаха Ибрахима I Дербенди – Ильча-Ахмед II, сын Мухаммед-бека. Таким образом, «подтверждения наших датировок независимыми источниками и нумизматическими материалами позволяют считать их доказанными» (*Криштопа А.Е.*, 2007. С. 39), заключает, А.Е. Криштопа.

К периоду монгольского владычества в Дагестане относится и появление термина и титула правителя Хайдака «уцмий», зафиксированное в местных исторических источниках. Происхождение термина точно не установлено, но выдвинуто несколько предположений. Как известно, этот титул, как и титулы ряда правителей средневекового Дагестана, в исторической литературе связываются с арабскими походами VIII–IX вв. Как писал С. Броневский: «Достоинство Усмийа есть второе по старшинству, поставленное в Дагестане Аравитянами. Усмей на арабском языке означает начальника, повелителя» (*Броневский С.*, 1823. С. 310.).

Многие версии о происхождении должности и звания уцмья и его судьбе кратко охарактеризовал Е.И. Козубский: «Владетель Кайтага, поставленный арабами, носил титул исми (именитый), откуда – уцмий, власть и достоинство которого уничтожены в 1820 г.» (*Козубский Е.И.*, 1902. С. 18).

Версия об арабском происхождении правителей Хайдака была широко распространена среди исследователей. Однако, по мнению ряда дагестанских исследователей (Б.К. Малачиханова, Р.М. Магомедова, М.-С.Д. Саидова, А.Р. Шихсаидова и др.), термин уцмий не связан с арабским языком и возник ещё до прихода арабов в Дагестан. Как отмечал Р.М. Магомедов: «Термин «уцмий» угодливо подводится под арабскую основу и

происходит от слова «исми» (имя), что должно означать якобы «именитый» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 202).

Против версий об арабском происхождении термина уцмий выступал и Б.К. Малачиханов. Он писал: «В загадочном термине, интересующем нас, мы склонны видеть иудейское слово «оцум» (мн. число – ацацим), означающее «сильный, мощный». Кто сколько-нибудь знаком с вопросами распространения иудаизма в прошлом в районе Южного Дагестана и Дербента, и в частности в ущелье Хайдака, носящем у даргинцев название «ДжугьутЛа кьатта» («Еврейское ущелье»), тот не отвергнет без внимания моё впервые высказываемое в литературе предположение, что вождь Хайдака мог для вящего почта носить звание, почерпнутое из лексикона иудейского языка – языка священных книг древней религии, господствовавшей на значительной части территории доисламского Дагестана. При этом не лишено вероятия то, что иудейское «оцум» (сильный, мощный) и арабское усама (синоним льва) родственно тождественны по своей этимологической природе; в положительном случае выходило бы так, что этот самый синоним льва у арабов представляет собой эпитет, характеризующий силу и мощь царя зверей. Так или иначе мы видим, что титулы «нуцал» и «уцмий» не пользуются в арабо-мусульманской среде Дагестана богобоязненным расположением» (*Малачиханов Б.К.*, 1965. С. 179, 180).

Между тем в историческом сочинении «Дербент-наме» правитель Кайтага дан под термином «газанфар», что значит «отважный», «храбрый». В тексте другого дагестанского исторического сочинения «Тарих Дагестан» правитель Хайдака Газанфар дается как имя одного из храбрых и сильных эмиров (правителей) «неверных из вилайата Хайдак – султан по имени Газанфар ал-Гаррар», «т.е. обманутый лев» (*Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.*, 1993. С. 101).

По мнению Б.К. Малачиханова, автор сочинения «Тарих Дагестан» Мухаммед Рафи тут заменил слово «усама» (уцмий, титул кайтагского правителя), означавшего по-арабски «лев», другим синонимичным ему словом – «газанфар» (*Малачиханов Б.К.*, 1965. С. 179). Далее пишет он, что «... в таком случае, мы имели бы основание утверждать и о большой древности титула «уцуми», имевшее применение своё в Хайдаке ещё значительно ранее проникновения ислама за стены Дербента» (*Малачиханов Б.К.*, 1965. С. 179).

Арабо-персидская историческая и географическая литература (ал-Йакуби, ал-Балазури, Ибн ал-Хаййат, ал-Куфи, Ибн Хордадбех, Ибн Русте, Ибн Хаукал, ал-Масуди, Абу-Хамид ал-Гарнати, Закария ал-Казвини, Йакут и др.) не фиксировала, как правило, местную социальную терминологию. Все местные правители обозначались терминами, обычными в арабском халифате: эмир, султан, малик, сахиб. Местная же социальная номенклатура не отмечена. Поэтому термин «уцмий» по арабским источникам нам не известен. Этот термин не известен также авторам или составителям дагестанских исторических сочинений («История Ширвана и Дербенда», «История Абу Муслима», «Тарих Дагестан», «Ахты-наме», «История Каракайтага», «Дербенд-наме») (*Махмуд из Хиналуга*, 1997. С. 96).

Следует отметить, что только в надписи из сел. Цахур, датированной 1278 г., встречается имя Исми (уцмий): «Это есть время основания Цахура по уничтожению селения Хиц, Исми-шамхалом» (*Лавров Л.И.*, 1966. С. 85).

Интересное мнение о происхождении и времени появления титула уцмий приводит А.Р. Шихсаидов. Анализируя существующие разные версии о происхождении титула уцмий, а также делая детальный анализ работы Махмуда из Хиналуга «События в Дагестане и Ширване XIV–XV вв.», А.Р. Шихсаидов приходит к выводу о том, что указанное историческое сочинение является первым в дагестанской исторической литературе сочинением, где встречается термин «уцмий». Он пишет, что этот термин «... связан с именем Султан-Мухаммедхана, уцмия Кайтага в конце XIV в. О более раннем времени хроника не сообщает, но можно уверенно предположить, что термин «уцмий» был известен и в более раннее время. Хроника косвенным образом подтверждает существование звания уцмия до XIV в.: «Илчав Ахмадхан – сын Уллубекхан-усуми из рода в род наследственно

вплоть до сегодняшнего дня управляют вилайатом Кайтаг в Дагестане» (*Махмуд из Хиналуга*, 1997. С. 97).

В «Родословной книге эмиров» сказано, что «... слово «уцмий» (усми) взято от слова «самави», по-арабски в смысле высокий (али). Слово это означает «высокий», в смысле высший по чину и должности. По отношению к уцмию этот титул употребляется в смысле высокий по своему родству и до сих пор их называют уцмиями» (История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков (родословная книга кайтагских эмиров) Л.38). А.Р. Шихсаидов считает, что это высказывание не добавляет ничего нового к традиционной концепции, но свидетельствует о её живучести и важности с точки зрения местной историографии (*Махмуд из Хиналуга*, 1997. С. 98).

Известные дагестанские ученые Р.М. Магомедов и Х.О. Хашаев предполагают местное, дагестанское происхождение звания уцмий, и это предположение кажется наиболее верным.

В этой связи Р.М. Магомедов писал, что «Шамхал, уцмий, майсум – титулы правителей Дагестана, ставшие известными в более поздние времена, видимо, существовали в народе в иной интерпретации и являются названиями местного происхождения» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 145). Р.М. Магомедов также отмечал, что «уцмий» самый крупный землевладелец Кайтага. Звание это также древнее, как и наименование шамхал (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 222).

Большой интерес представляет институт наследования власти и порядок избрания уцмия. В принципе в уцмийстве право наследования опиралось на систему майората. Согласно этой системе наследовал старший в роде, и звание уцмия переходило к нему. Процесс перехода звания сопровождался избранием его и провозглашением на общем сходе в сел. Башлы представителей от всех свободных обществ. Одновременно с уцмием избирался и его преемник (гаттин), к нему переходила власть в случае смерти уцмия (Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX вв., 1969. С. 182–183). В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» сказано, что при «избрании уцмия на него возлагали шапку, которая хранилась в тухуме арабского происхождения в магале Ирчамуль» (Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX вв., 1969. С. 183).

Право майората, зафиксированное в XVIII–XIX вв. в Кайтаге, функционировало, надо полагать, и в предыдущие периоды. Об этом для XIV – XV вв. можно судить по данным сочинения Махмуда из Хиналуга. Так, например, после смерти уцмия Султан-Мухаммадхана (по нашим данным, в начале XIV в.) уцмием был избран Султан-Алибек (по прозвищу Бек-Киши-хан) «по причине того, что Султан-Алибек по возрасту был старше, население и область кайтаков подчинились последнему» (*Махмуд из Хиналуга*, 1997. С. 42). Однако этот обычай не всегда соблюдался. В источниках упоминаются случаи узурпаторства власти в Кайтаге в различные периоды. Так, согласно хронике Махмуда из Хиналуга, после смерти Султан-Мухаммедхана его сыновья Султан-Алибек (Бек-Киши-хан) и Ильча-Ахмед начали междоусобную войну за престол уцмия. В итоге, незаконно претендовавший на власть в Кайтаге Ильча-Ахмед был изгнан из Кайтага (*Махмуд из Хиналуга*, 1997. С. 42).

В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» также говорится о случае незаконного перехода власти в этом владении: «...хотя достоинство уцмия, по установившемуся обычаю, и переходило к старшему в роду и всегда сопровождалось народным признанием, но в памяти народной сохранился случай узурпаторства. После смерти уцмия Устархана уцмием был избран племянник умершего уцмия Мамма, однако сын Амир-Гамзы с помощью акушинцев и своих подвластных вытеснил Мамму и стал уцмием (Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX вв., 1969. С. 183).

Что касается эпиграфического материала XII–XV вв., то он также не зафиксировал специального термина «уцмий». Только в надписи из Кала-корейша упоминается «обладатель» или «владелец» (сахиб) Калакорейша Ах. с б . р ., сын Хиздана. По мнению Л.И. Лаврова, «владелец Каракурайша Ах. с . б . р . Хиздан» – это самый ранний, неизвестный

по другим источникам предшественник и, возможно, предок уцмиев, однако, как видим, ещё не носивший титула усми» (*Лавров Л.И.*, 1966. С. 193).

В связи с этим А.Р. Шихсаидов полагает, что «из арабского текста эпитафии нельзя заключить, что правитель Кала-Корейша не носил ещё титула уцмий. Вернее было бы заключить, – продолжает он, – что автор текста, следуя уже сложившемуся в арабских исторических сочинениях «жанра завоеваний» или в ранних исторических хрониках местного происхождения традициям, не учитывал и не передавал сложившуюся в дагестанских владениях титулатуру социальных верхов».

Проанализировав весь имеющийся материал по термину «уцмий» А.Р. Шихсаидов приходит к заключению о том, что наиболее ранняя фиксация термина «уцмий» (усми) относится к последней четверти XIV в. (Султан Мухаммадхан – уцмий), но можно предположить, что этот термин имел к этому времени уже многовековую историю» (*Махмуд из Хиналуга*, 1997. С. 98–99).

К периоду монгольского владычества относится и феодальная война, разразившаяся в Дагестане в начале XIV в., которая имела большие последствия для Кайтага в течение всего XIV в. Основанием для начала феодальной войны между крупнейшими владениями Дагестана стала внутривластная борьба за власть в Кайтагском княжестве. События, связанные с борьбой, подробно описаны в хронике Махмуда из Хиналуга (Кайтагская рукопись II).

После смерти уцмий Султан-Мухаммедхана в начале XIV в. между претендентами на уцмийский престол сводными братьями Султан-Алибеком (Бек-Киши-хан) и Ильча-Ахмедом началась борьба. Ильча-Ахмеду быстрее удалось собрать своих сторонников, но другие кайтагские общины поддержали Султан-Алибека. Между ними произошло несколько столкновений, и в одном из них войско Султан-Алибека было разбито, и Ильча-Ахмед вступил в уцмийское достоинство (*Махмуд из Хиналуга*, 1997. С. 42). До сих пор конфликт не выходил за рамки обычной для феодальных обществ междоусобицы и протекал внутри Кайтага.

Однако Султан-Алибек обратился за помощью к своему дяде по матери шамхалу Кумуха. Последний не заставил себя долго ждать и вмешался в династическую распрю. Результатом этого стал разгром войск Ильча-Ахмеда и бегство его из Кайтага, который решил по примеру своего брата искать помощи у своего дяди по матери – правителя Ширвана Гершаспа. В хронике сообщается: «Эмир Ильчав-бахадур нашел, что сопротивление – дело тщетное, и вышел... выводя с собой своих слуг и рабов, из крепости Курайш в Кайтаге, и явился к славному дяде по матери Султану Гершаспу (Кершасибу)» (*Махмуд из Хиналуга*, 1997. С. 42). Гершасп встретил племянника дружелюбно и «отдал на содержание Акда (Акдашский маггал. – А.М.) вилайата Ширван, исключая только селения Вардан, Йакублу и Сукутлу, которые и раньше до выхода из Кайтага были в его распоряжении» (*Махмуд из Хиналуга*, 1997. С. 42). Источник не говорит, откуда у уцмийского сына из Кайтага земельная собственность в Кайтаге. Вполне возможно, что это удел его матери (сестры Гершаспа), перешедшей к Ильча-Ахмеду по наследству. Эти села сохранились до сих пор. К тому же Ильча-Ахмед купил и четвертое селение – Салар-Арды, в котором и решил поселиться (*Махмуд из Хиналуга*, 1997. С. 43).

Следует отметить, что Ильча-Ахмеда привело в Ширван отнюдь не намерение продолжать борьбу против своего брата Султан-Алибека, а узколичные соображения. Неудивительно поэтому, что союзники Ильча-Ахмеда не могли бросить Кайтаг и последовать за ним, ведь у них не было в Ширване ни родственника-правителя, ни наследственной земли. Они не имели никаких альтернатив вне Кайтага и в случае поражения теряли все – это было для них действенным стимулом для продолжения борьбы. В «Тарих Дагестан» сохранились их имена. Это Мухаммед-хан, Амир-хан и Амир-Гамза «из числа султанов Хайдака» (*Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.-М.-Р.*, 1993. С. 104). Их имена и титулы показывают, что это не простые уздени – общинники, они явно относятся к кайтагской знати. Они уговорили «правителей Авари» помочь им в борьбе против шамхала (*Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.-М.-Р.*, 1993. С. 104). В источнике сказано,

что они «бежали жалуясь и умоляя о помощи, к правителям Аварии и заключили с ними союз делить добро и зло при всех обстоятельствах. В это время между правителями Аварии и амирами Гумука начались страшные войны и сатанинские распри» (*Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.-М.-Р.*, 1993. С. 104). Войска коалиции, т.е. Султана – сына нуцала с отрядами его кайтагских союзников вскоре осадили Кумух. Вместе с ними источник показывает также отряд тюрок-мусульман, возможно, их союзников за пределами Дагестана. После месяца изнурительной осады и кровопролитного штурма Кумух был взят, по-видимому, это произошло в 1318 г. При штурме крепости в ней погибли 70 казикумухских юношей, «которые пожертвовали имуществом, душой и телом» (*Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.-М.-Р.*, 1993. С. 105). Кумух был razoren войсками коалиции, уцелевшие члены кумухской феодальной верхушки («амиры Гумука, что из потомков Хамзы и Аббаса») бежали, «а султаны Хайдака снова обосновались на своих землях, на своих престолах» (*Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.-М.-Р.*, 1993. С. 104). Их бывший враг, племянник шамхала Султан-Алибек, остался уцмием Кайтага.

При описании дальнейших событий в Кайтаге в начале XIV в. мы сталкиваемся с некоторыми затруднениями. Так, озадачивает эпитафия на упомянутом могильном памятнике в Калакорейше: здесь похоронен «владелец Курайша Ах. с. б. р., сын Хиздана» (*Лавров Л.И.*, 1966. С. 193). Следует отметить, что этого имени нет в уцмийской родословной, т.е. покойный не принадлежал к роду уцмиев. С другой стороны, имя «Ах. с. б. р.» – редкое. В Дагестане оно встречается ещё один раз и почти в то же самое время (1318–1319 гг.) в надписи из с. Худуц, в котором сообщается, что Ах. с. б. р» имя шамхала Кумуха, присутствовавшего в передаче Худуца жителям с. Анчибачи (*Шихсаидов А.Р.*, 1984. С. 84–87).

Р.М. Магомедов, анализируя эпиграфические памятники из сс. Калакорейш и Худуц, писал, что «возможно простое совпадение имен (даже редких) у двух разных людей, хотя и живших по соседству в одно и то же время. Но возможно, – продолжает он, – и другой вариант: в обеих надписях упомянуто одно и то же лицо! Тогда выходит, что изгнанный из Кумуха шамхал Ахсбар каким-то образом сделался «обладателем Кала-Корейша» (но не Кайтага), где и окончил свою жизнь. Выходит, Кала-Корейш обособился в отдельное от Кайтага владение – удел? В таком случае, где оказался его правитель – уцмий Султан-Алибек, ведь он упоминается и позже, даже в связи с событиями второй половины XIV в.» (*Магомедов Р.М.*, 1999. С. 112).

Можно допустить, что междоусобная борьба в Кайтаге и вмешательство извне привели к временной децентрализации и ослаблению страны и, очевидно, к попыткам внешних сил утвердиться в отдельных частях Кайтага, например, того же шамхала, возможно, воспользовавшегося политической ситуацией в своих интересах. Ведь не зря, наверное, «султаны Хайдака» уговорили «правителей Аварии» выступить совместно против шамхала Кумуха, а после разгрома последнего спокойно возвращаются в Кайтаг и даже не пытаются смести с уцмийского престола своего врага Султан-Алибека. Можно предположить, что противоборствующие стороны в Кайтаге пришли к какому-то компромиссу или же в нём у них была острая необходимость, которая заставила их выступить против того же шамхала, почувствовавшего себя хозяином в Калакорейше. «Султаны Хайдака» за которыми, очевидно, стояли значительные силы в Кайтаге – их отряды, осаждают и штурмуют Кумух в союзе с «правителями Аварии и тюрками-мусульманами», могли бы прийти к мирному соглашению с Султан-Алибеком, не доводя дело до вооруженного конфликта. Тем более мы уже видели, что Ильча-Ахмед со своими сторонниками («султанами Хайдака») без больших усилий смог захватить власть в Кайтаге. Это всего лишь наше предположение, однозначно ответить на данный вопрос пока не удаётся: слишком мало фактов.

Тем не менее конфликт, начавшийся в Кайтагском уцмийстве, как обычная феодальная междоусобица, постепенно распространился и на шамхальство Кумухское и Аварии, охватив, таким образом, три самых значительных владения Дагестана. В масштабах Дагестана это была самая настоящая феодальная война. В результате Кумух был razгромлен,

Авария истощена, а Кайтаг, успевший выйти из него до того, как она вступила в самую разрушительную стадию, по-видимому, пострадал меньше других, что и объясняет его быстрый подъем и определяет дальнейшую политику и выдающееся положение в системе политических структур Дагестана в XIV в.

Усиление Кайтага подняло его авторитет и в глазах международного сообщества. Так, А.Е. Криштопа указывает на связи Кайтага с генуэзскими колониями (*Криштопа А.Е.*, 2007. С. 111). Для убедительности он приводит предание «о происхождении упомянутого рода Чолокашвили, предки которого – генуэзские переселенцы обитали с XII в. в Крыму и торговали «от моря Понтийского до моря Каспийского». Один из их предводителей поселился «с множеством народа» в местности Герми в Дагестане – «их теперь называют геноэлами и копачами». Здесь этот предводитель получил прозвание Чолага. Однако за потравы пастбищ жители изгнали его – вместе с родными он ушел «по Дербентской дороге» и прибыл в 1320 г. в Грузию к царю Георгию, взявшему его на службу» (*Джанашвили М.Г.*, 1897. С. 37.).

Анализируя это сообщение, А.Е. Криштопа пишет, что несмотря на его изолированность, оно не обнаруживает противоречий с ныне известными историческими фактами: 1) «Дербентская дорога» действительно пересекала в Приморском Дагестане реку Гамри, на которой находился известный с VIII в. город; в начале XIV в. эта территория контролировалась Кайтагом, а указанная дорога продолжалась вдоль северокавказских предгорий до генуэзской колонии Матреги; 2) генуэзцы, воспользовавшись политической стабилизацией на Восточном Кавказе, в конце XIII в. действительно распространили свою торговлю от Черного моря до Каспийского (*Криштопа А.Е.*, 2007. С. 111). В конце XIII в. о генуэзских кораблях на Каспийском море свидетельствует и Марко Поло (*Марко Поло*, 1940. С. 20; *Ашурбейли С.*, 1964. С. 89, 91.).

Международная обстановка, сложившаяся в XIV в.: ослабление соперничества двух монгольских держав – Золотой Орды и Хулагуидской империи, также содействовало укреплению ряда дагестанских владений, в том числе и Кайтагского уцмийства. В хозяйственной жизни Дагестана XIII – XV вв. в процессе развития политических и социальных отношений огромную роль играла внешняя и внутренняя торговля. Известно, что до XIII в. шел процесс интенсификации связей Запада с Востоком через Восточную Европу. Европейские купцы стремились закрепиться в Крыму и на Северном Кавказе, прибирая к рукам торговые пути из Азии и Европы (*Удальцова З.В., Шапов Я. Н., Гутнова Е.В., Новосельцев А.П.*, 1980. С. 56.).

Во второй половине XIV в. генуэзские колонии занимали весь южный берег Крымского полуострова. Наблюдается оживление внешней и транзитной торговли между Западом и Востоком, в том числе и с Золотой Ордой. К концу XIV в. генуэзские купцы уже хорошо знали Дербент и западное побережье Каспийского моря. На картах, составленных во второй половине XIV в. итальянскими купцами, отмечено несколько пунктов, торговых центров на западном побережье Каспийского моря (*Егоров В.Л.*, 1985. С. 47–48.).

К этому следует добавить, что в пределах контролируемой уцмиями территории от с. Тарки до реки Самур ко второй половине XIV в. оказался значительный отрезок пути из Дербента в Матрегу, экономическое и политическое значение которого с конца XIII в. сильно возрастает, – подобного преимущества не имели другие дагестанские владения. Этот фактор должен был заметно способствовать усилению роли Кайтага среди дагестанских политических структур. Рост влияния и известности Кайтага своеобразно выразился в том, что в сочинениях некоторых арабских авторов в первой половине XIV в. Кавказские горы начинают именоваться «Кайтагскими горами».

Как обратил внимание А.Р. Шихсаидов, «знаменитый арабский историк Абу-л-Фида в своем сочинении «Таквим ал-булдан» («Перечень стран») уже не видит разницы между географическими понятиями Кайтаг и Кавказ, тем более что арабская графика позволяет «не заметить» эту замену, т.е. вместо «горы Кабк», как называли многие авторы Кавказ, написано Кайтак». Далее, комментируя описание Абу-л-Фида, А.Р. Шихсаидов пишет: «Среди других крупных областей Абу-л-Фида дает и такое описание: «Гора ал-Кайтак.

Тянется она от берегов Хазарского моря близ города Баб ал-абваб к югу. Сказал ал-Азизи: эту гору называют горой языков, в ней (различные) народы, у которых различные языки. К северу от нас расположен ал-Кайтак, а это племя (джинс), а в южную сторону – ал-Лакз, это тоже племя. Она (гора ал-Кайтак) тянется от Баб ал-абваб до страны ар-Рум на расстоянии месячного (пути)...» (*Махмуд из Хиналуга*, 1997. С. 111–112).

Из сообщения ясно, что «гора ал-Кайтак», которая тянется до Рума – это Кавказские горы, а «племя ал-Кайтак» – это действительно территория исторического Кайтага. К тому же на это указывает и названное рядом с Кайтагом «племя ал-Лакз» (*Махмуд из Хиналуга*, 1997. С. 111–112).

Таким образом, монгольские походы также коснулись и хайдакских земель, и имели самые негативные последствия. Очевидно, что именно при монгольском владычестве Хайдак охватил внутривосточный кризис, который кайтагское общество преодолело благополучно к началу XIV в.

Первое письменное упоминание термина «уцмий» и исторического лица носившего этот титул, уцмия Султан-Мухаммедбека, относятся именно к началу XIV в.

Кайтаг, вышедший из феодальной войны в Дагестане, в силу определенных причин превратился в ведущую политическую единицу Дагестана XIV в. и играл главную роль в политических процессах в регионе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. К., 2004. Дагестан в XV–XVI вв. (Вопросы исторической географии). Махачкала.

Али-Заде А.А., 1956. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XV вв. Баку.

Ашурбейли С., 1964. Очерки истории средневекового Баку (VIII – начало XIX вв.). Баку.

Броневский С., 1823. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М.

Гильом де Рубрук., 1957. Путешествие в восточные страны. М.

Джанашвили М.Г., 1897. Известия грузинских летописцев и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. 22. Тифлис.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М.

Ибн ал-Асир, 1940. Тарих ал-Камиль / Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку.

Исаев А.А., 1986. Из истории освободительной борьбы в средневековом Кайтаге // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала.

История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286. Инв. 1645.

Кайтагские рукописи I. 1868 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. II. Тифлис.

Кайтагские рукописи II. 1868 // АКАК. Т. II. Тифлис.

Киракос Гандзакец, 1976. История Армении. Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М.

Козубский Е.И., 1902. Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура.

Криштопа А.Е., 1976. К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана (сборник научных трудов). Вып. VII. Махачкала.

Криштопа А.Е., 2007. Дагестан в XIII–начале XV вв. Очерк политической истории. М.

Лавров Л.И., 1967. Эпиграфические памятники Северного Кавказа (XVIII–XX вв.). Ч. 1. М.

Магомедов Р.М., 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала.

Магомедов Р.М., 1979. По аулам Дагестана. Махачкала.

Магомедов Р.М., 1991. История Дагестана. Махачкала. *Магомедов Р.М.*, 1999. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Ч. 1. Махачкала.

Малачиханов Б.Г., 1965. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане (материалы по истории Нагорного Дагестана) // Ученые записки ИЯЛИ Дагфилиала АН СССР. Т. XIV (серия историческая). Махачкала.

Марко Поло, 1940. Путешествие. Л.

Махмуд из Хиналуга, 1997. События в Дагестане и Ширване XIV–XV вв. / Пер. с арабского, составление, предисловие, комментарии и приложения А.Р. Шихсаидова. Махачкала.

Минорский В.Ф., 1963. История Ширвана и Дербенда. М.

Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р., 1964. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала.

Удальцова З.В., Шапов Я. Н., Гутнова Е.В., Новосельцев А.П., 1980. Древняя Русь – зона встречи цивилизаций // Вопросы истории. №7.

Феодальные отношения в Дагестане. 1969. XIX – начало XX вв. / Сост. предис. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.

Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р., 1993. Дагестанские исторические сочинения. М.

Шихсаидов А.Р., 1984. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.